

Пролог

Замок Хэйвуд, 1797 год

Десятилетний Нэйт замер, коснувшись рукой двери в библиотеку.

— Я только что получил весть от Уилкинсона, — донесся до него из глубины комнаты голос отца, маркиза Хэйвуда. — Старая дева из Одинокого дома умерла.

Какой-то предмет — книга? — громко ударился обо что-то.

— *Кровь Господня!* И теперь бедному Маркусу придется выбирать новую старую деву. О, как же я ненавижу Изабеллу Дорринг! Надеюсь, она горит в аду.

Нэйт ахнул. Его мама никогда так не выражалась.

Родители, наверное, что-то слышали, поскольку дверь распахнулась.

— Нэйт! Что это ты здесь прячешься? — спросил отец.

— Я... папа, я забыл в библиотеке книгу.

Нэйт сглотнул. Кузен Маркус жил с ними, поскольку его отец умер из-за проклятия Изабеллы Дорринг.

— С Маркусом все хорошо? — спросил мальчик.

Маркиз улыбнулся, ободряюще приобнимая его за плечо.

— Конечно хорошо. Ему всего лишь придется отправиться в Ловз Бридж и выбрать новую старую деву для Одинокого дома.

Нэйту не понравилась эта новость. Его мать слишком часто рассказывала о том, как отец Маркуса и *все* герцоги Харты, начиная с третьего, умирали до рождения наследника, из-за того что Изабелла Дорринг прокляла их род. Нэйт представлял Изабеллу злобным старым призраком, обитающим в Одиноком доме.

— А можно мне тоже поехать? — Нэйт был на две недели старше Маркуса. И привык присматривать за кузеном.

Улыбка отца стала шире.

— Это было бы замечательно, Нэйт. Уверен, с тобой Маркусу будет веселее. — Он взглянул на жену и добавил с фальшивым энтузиазмом: — Можем даже устроить семейный выезд.

Маркиза нахмурилась и покачала головой.

— Нет... Я хотела бы поехать с вами. Вы знаете, что хотела бы. Но я не выношу это проклятое место. — Она подошла к сыну и обняла его. — Береги Маркуса ради меня, Нэйти.

Мама всегда говорила эти слова. И Нэйт ответил ей как всегда:

— Конечно, мама.

Замок Хэйвуд, 1808 год (одиннадцать лет спустя)

Нэйт сидел у постели матери, и ему на сердце давила тяжесть. Месяц назад умер отец, а теперь он боялся, что вот-вот потеряет и мать. Казалось, она утратила желание жить — в мире, где больше не было ее Филиппа. И все же Нэйт не думал, что она угаснет так быстро. Еще вчера она была в порядке — печальна, и все же в порядке. Но этим утром...

Мама была очень бледна и словно уменьшилась в размерах. Последний час с тех пор, как горничная позвала Нэйта к ее постели, маркиза то и дело теряла сознание.

Нэйт нахмурился. Маркус тоже хотел бы быть здесь. Нэйт отправил весть в Лондон, но кузен едва ли успеет вовремя. Мама так тяжело дышала...

Ее глаза распахнулись.

— Джеральд, — просипела она, перепутав сына со своим давно покойным братом.

— Это Нэйт, мам. — Он склонился ближе, чтобы она смогла рассмотреть его лицо. — Хочешь выпить воды?

— Нэйт! — Мать схватила его за руку, не отвечая на вопрос. — Нэйт... — Она сглотнула. — Береги Маркуса.

Он погладил ее пальцы, чтобы успокоить, и подавил невольное раздражение от того, что в последние минуты жизни мама говорит о кузене, а не о нем.

— Буду, мама. Ты же знаешь, что буду.

— Я не смогла... — У нее перехватывало дыхание. — Я не сумела сберечь Джеральда.

Она слишком разволновалась. Нужно было ее успокоить, но как? Нэйт *ненавидел* чувствовать себя беспомощным.

— Все хорошо, мама.

Но она продолжала, словно не услышав его:

— Не будь я такой эгоисткой... не выйди я замуж за Филиппа...

— Но ты любила отца.

Нэйт никогда в этом не сомневался. Родители его друзей глали, изменяли друг другу, но его родители — никогда. Их взаимная преданность была в его жизни такой же константой, как и ежеутренний восход.

Маркиза недовольно пошевелила головой, лежащей на подушке.

— Да, но Филипп мог жениться на ком угодно. А у Джеральда была только я. — Пальцы матери сжались, ногти впились в кожу Нэйта. — Береги Маркуса ради меня, Нэйти.

— Конечно, мама. — От многочисленных повторов эти слова прозвучали автоматически.

— Проклятие... будет набирать силу. Когда Маркусу исполнится тридцать, ты должен очень внимательно за ним следить.

Она попыталась сесть.

Нэйт мягко заставил ее снова опуститься на подушки.

— Возможно, Маркус сумеет полюбить, — сказал он, пытаясь успокоить ее. — И тогда проклятие будет разрушено.

Хватка умирающей поражала своей силой.

— Нет, не сумеет.

— Но это вполне вероятно, мама.

Браки по любви были редкостью в высшем обществе, но все же случались.

— Маркусу всего двадцать один год. У него еще есть время. И если он встретит девушку, которую сможет полюбить, проклятие потеряет свою силу. Все закончится.

— *Нет!* — Пальцы матери сжались, взгляд пронзил Нэйта глубиной и отчаянием. — Разве ты не понимаешь? Это проклятие *нельзя* разрушить.

— Можно. Если герцог Харт женится по любви...

Лицо маркизы исказила гримаса.

— Это *ложь*. Мой отец любил мою мать. Я *знаю*, что любил. И все же он умер.

Мама никогда раньше не говорила об этом.

Но, наверное, она просто что-то путает. И это неудивительно. Как бы ни была сильна вера в загробную жизнь, смерть повергает в ужас любого, кто с ней столкнется.

А если любовь не в силах разрушить проклятие, Маркус обречен на долгую одинокую жизнь.

Впрочем, нет, на *недолгую*.

Нэйт тихо успокаивал мать. Ничего другого ему в голову не приходило.

— Пообещай мне... — Казалось, маркизе с трудом давался каждый вдох. — Пообещай, что будешь беречь Маркуса... — Она сглотнула. — Пока сможешь. Даже если тебе самому придется отказать от женитьбы. Нет *ничего* важнее безопасности Маркуса, Нэйт.

Бедная мама. Нэйт готов был пообещать ей что угодно, только бы облегчить ее страдания.

Он попытался ответить спокойно:

— Да, мама. Не волнуйся. Я присмотрю за Маркусом. Клянусь тебе.

Наконец испуганное выражение исчезло с ее лица. Она отпустила руку сына и слабо улыбнулась.

— Ты очень хороший мальчик, Нэйти. Я знаю, что ты сдержишь слово.

Она откинулась на подушку и медленно закрыла глаза. Краски покинули ее лицо, сменившись умиротворением.

Его мать была мертва.

Глава первая

Ловз Бридж, май 1817 года

Натэниэл, маркиз Хэйвуд, переходил дорогу, удаляясь от постылого двора «Купидон», и спорил с собой на ходу.

Помедленнее. Ты же не хочешь привлечь внимание. Нельзя врываться к викарию в таком состоянии. Подумай, как разозлится из-за этого Маркус.

Ох, черт.

Нэйт остановился и глубоко вдохнул. Это же Ловз Бридж, не Лондон, и мисс Хаттинг, женщина, которая, как он опасался, хотела вынудить его кузена жениться на ней, — всего лишь дочь викария, а не дерзкая искусительница из высшего общества.

И Маркус сказал ему, что она желает стать следующей старой девой из Одинокого дома, а не герцогиней Харт.

Но недавно она провела наедине с Маркусом несколько часов, и часть этого времени прошла в Одиноком доме. Подумай, что могло там произойти!

Нэйт стиснул зубы и снова зашагал.

Следовало с большим подозрением отнестись к сообщению Маркуса о том, что он принял это приглашение на обед. Никто в здравом уме не стал бы по собственной воле обедать с викарием, его женой и их бесчисленными детьми.

Но Маркус потерял бдительность, вот в чем дело. Ведь именно в Ловз Бридже родилось проклятие, и он считал, что местным жителям не нужно объяснять: герцог Харт будет во что бы то ни стало избегать супружеских уз. Как только герцог произносил клятву верности и проводил с женой первую брачную ночь, бедняге оставались считанные месяцы. Уже двести лет ни один герцог Харт не доживал до рождения своего наследника.

Я не позволю, чтобы это случилось и с Маркусом. Я должен быть настороже, особенно теперь, когда Маркусу исполнилось тридцать.

Достаточно вспомнить, что случилось пару дней назад в Лондоне, когда он отвлекся: Маркус был обнаружен в кустах вместе с вертихвосткой мисс Рэбон и все видели, как с нее слетело платье.

Проклятье, это *видела* и леди Данли, главная сплетница Лондона!

В кусты у дома викария Маркус, конечно, не полез бы, но это не означало...

— Добрый вечер, лорд Хэйвуд.

— Ах! — Нэйт быстро отступил на пару шагов.

Боже мой, вот тебе и мысли о потере бдительности!

Две пожилые леди с седыми волосами и яркими пронзительными глазами дружно заморгали, глядя на него. Это, должно быть, были сестры Болтвуд, главные сплетницы деревни. Крайне нежелательная встреча.

Нэйт заставил свои губы растянуться в улыбке и слегка поклонился.

— Добрый вечер, леди.

— Ищете себе компанию, милорд? — спросила леди низенького роста, и обе дамы нарочито затрепетали ресницами, глядя на него.

Нэйт сдержал дрожь.